

СМЕСЬ

*Наполеон и живописец Изабе*⁷². — “Я однажды зашел к знаменитому живописцу Изабе⁷³ полюбоваться его собранием портретов, соделавшимся ныне в высокой степени историческим. Я застал художника в мастерской, отделяющего ту картину, которая должна была передать имя его потомству с многими из знаменитейших современных лиц. (Картина сия ныне вообще всем известна по выгравированному с нее эстампу. Она изображает залу Венского конгресса в ту самую минуту, когда князь Метерних⁷⁴ вводит в оную герцога Веллингтона⁷⁵.) Я вдруг увидел себя посреди знаменитейших мужей и прелестнейших дам, схожих, как живые, и находившихся в то время в Вене. Я узнал немедленно портрет принца де-Линя, который Изабе только что окончил в то время, как я виделся с

132

ним в Шенбрунне; так-то сходство принца де-Линя было одушевлено всею острою выразительностию подлинника; увидел и портрет во весь рост Наполеона, прогуливающегося в садах мальмезонских⁷⁶. “Так он точно всегда ходил сложа руки?” — спросил я. “Могу вас в том уверить,— возразил Изабе,— и эта привычка вместе с другою, потуплять голову, раз едва не наделала мне великих бед. Во время консульского правления однажды обедал я в Мальмезоне с некоторыми из молодых адъютантов Наполеона. После обеда мы вздумали, вышед на равнину против замка, перепрыгивать друг через друга.

Вы знаете, что у нас в училищах это любимая игра. Я перепрыгнул уже через многих из моих товарищей, как

вдруг вижу в стороне, в конце аллеи, еще одного, стоявшего передо мной в надлежащем положении. Думая, как бы только хорошенько скакнуть, я разбегаюсь, что есть силы, но, к несчастью, ошибшись размером, вскакиваю ему шею, роняю его, и мы вдвоем катимся по земле шагов с десятков. Но каков мой ужас, когда я увидел, что жертвою моей неловкости был сам Бонапарте! — В эту эпоху своей жизни ему и в голову не приходило, чтоб можно было упасть; и этот первый урок весьма естественно привел его в величайшее иступление гнева.— Кипя яростью, он выдернул шпагу, и если б я не бегал лучше, нежели прыгал, то смерть моя была бы неминуема. Он преследовал меня до самого рва, через который я перепрыгнул, и, по счастью, не последовал моему примеру. Я пошел в Париж, и мой ужас был так велик, что я не смел оглянуться, покуда не достиг до Тюльерийских ворот⁷⁷.— Я вошел в комнаты госпожи Бонапарте, прислуга которой привыкла впускать меня без доклада. Видя мое смятение, Жозефина подумала, что я принес ей какое-либо неприятное известие; но когда я рассказал ей о случившемся, то происшествие сие, несмотря на мое отчаяние, показалось ей столь смешным, что она не могла удержаться от хохота. Когда же смех ее прошел, она обещала мне, с свойственным ей добродушием, ходатайствовать за меня у консула. Однако же, зная совершенно его сердитый нрав, она сочла за лучшее удалить меня на время с глаз своего мужа, пока не укротит его гнева, что было не трудно, ибо в это время Наполеон любил ее страстно. И действительно, ее ангельские свойства одерживали обыкновенно над ним верх, и нередко она успевала отвращать действия его запальчивости.

По возвращении домой я нашел на столе моем повеление не являться в Тюльери; в продолжение сего временного удаления я окончил этот портрет, который вы сейчас видели. Госпожа Бонапарте, представляя оный консулу, исходатайствовала мне прощение и позволение снова явиться в Тюльери. Первое мое с Бонапартом свидание после сего происшествия было в Жозефиной половине. Он подошел ко мне ласково и, потрепав по щеке, сказал: “И впрямь,

133

если вы хотите шутить, то старайтесь быть половче”.— “Боже мой! — сказала, смеясь, Жозефина,— если б вы видели, как он был даже страшен, явившись ко мне после этого случая, то согласились бы, что он этим одним довольно наказан за свое желание отличиться ловкостью”. Изабе рассказывал этот анекдот с свойственною ему живостью и веселостью и, сопровождая слова свои жестами и положениями, так хорошо умел представить мне происходившее, что я думал, будто вижу в эту минуту всю комедию. Я воображал лежащего на земле Наполеона, которого увеличивавшееся бешенство уподобляло его Юпитеру, устремляющему гром и молнию”. (Из “The Court journal”.)

В. Б...шее.

⁷⁸ В половине истекшего января изданы в Лондоне Томасом Муром ⁹ давно ожидаемые письма и дневные

**записки лорда Байрона, с подробностями об его жизни.
Собрание сие посвящено Валтеру Скотту.**

(Из “Tygodnik Petersburski”.)

134